

Сов. издательство, 1963, 20 июля

И ПЬЕСА Н. Громова и Ю. Грачевского «Посторонним вход разрешен!» («Красные повязки»), и осуществленный на ее основе спектакль Тамбовского драматического театра имени А. В. Луначарского откровенно подчеркнуто публицистичны.

Да, да, разговор со зрителем ведется здесь языком театральной публицистики! Публицистики не бесстрашной и бескрасочной, а яркой, боевой, пронизанной духом убеждения, талантливой. И — не побоюсь в данном случае этих определений — объемной и глубокой.

Но, может, в таком случае перед нами и не публицистика вовсе, а просто-напросто пьеса, лишенная четких жанровых признаков — комедии или драмы, водевиля или трагедии, тем более что сами авторы в подзаголовке так и пишут: «пьеса в 2-х частях»? В том-то и дело, что жанровые признаки и пьесы, и спектакля здесь обозначены очень явно, стилистика избрана продуманно и точно. Признаки и стилистика театральной публицистики.

Напрасно опасаются этих слов иные драматурги, режиссеры и критики, почитая их чуть ли не бранными. «Ах, театральная публицистика, ну, значит, попросту схематично и неинтересно, так и говорите». В том-то и дело, что не схематично и интересно! И зачем, ради чего обкрадывать нам самих себя? Никто ведь не отрицает права праждаства за публицистикой в литературе, в том числе и в поэзии. Развивая традиции Маяковского, она действительно уподобляется в лучших своих творениях «бомбе и знамени», с силой набата обращается к людям, поднимая их на большие дела во имя Родины и коммунизма. Так почему, во имя чего должны мы лишить ее голоса — страстного и звонкого — в искусстве театральном?

ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ ПУБЛИЦИСТИКА!

Пожалуй, именно эти два эпизода — страстный и звонкий — наиболее точно передают впечатление от спектакля тамбовчан, поставленного главным режиссером театра М. Ваховским. Поведав в пьесу, в ее возможности, театр создал спектакль, волнующий и захватывающий зрителей. Волнующий и захватывающий и своей направленностью против формализма и равнодушия в делах и человеческих взаимоотношениях, и правдой образов, правдой человеческих характеров, втянутых волею авторов в орбиту действия.

Только не надо думать, что это спектакль, в центре которого находятся носители всевозможных пережитков и недостатков, разоблачаемые и осмеиваемые театром. Нет, главной фигурой спектакля является молодой коммунист Климов, человек беспокойный и чуткий, горячий и самоотверженный, воспринимающий боль и горе другого как боль и горе свои, личные. Это именно он спас девушку Надю, несправедливо осмеянную и ославленную на весь город. Спас, удержав на берегу реки от ложного и необратимого шага. Спас и вернул ей доброе имя, девичью и комсомольскую честь. Это именно он вносит в работу молодежной дружины дух чуткости, сознание ответственности за каждую человеческую судьбу, нетерпимость к шаблону и «галочке». Это именно он помогает многим из комсомольцев найти себя, свое место в общем строю, дело по душе и по призванию.

Молодой актер В. Петров, иг-

рающий роль Климова, подчеркивает в нем веселость души, радостное ощущение жизни, открытость людям. Обаятелен этот неутомимый парень, которому до всего есть дело и который не считает себя вправе проходить мимо зла и равнодушия, будучи непременно уверенным в том, что это не только вообще унижает человеческое достоинство, но унижает достоинство именно его, лишает его, Климова, права на гордое имя — Человек. Глядя на Климова—Петрова, невольно думаешь: и он, и он — тоже «парень из нашего города», и если страна призовет его к тем делам, к которым призвала когда-то Сергея Луконина, героя известной симоновской пьесы, он, Климов, окажется достойным и их, и своего старшего товарища.

Роль Нади играет студентка Тамбовского филиала школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТе СССР имени М. Горького А. Телеченко, и также создает образ большого обаяния, привлекательный своей чистотой, непосредственностью, целостностью. Привлекательный и глубиной горя, рожденного несправедливостью и нечуткостью, обманутым доверием, и своей способностью преодолеть это горе, выйти из него окрепшей и возмужавшей.

Я понимаю авторов пьесы, которым даже самая возможность соединить «под занавес» Климова и Надю представлялась вопиющей банальностью. Но не менее банален и ход, избранный ими: влюбившаяся в Климова Надя спешит к нему на свидание, а здесь выясняется, что он — увы! — женат. Лучше было бы поискать финал иного плана, в области иных человеческих взаимоотношений.

Наряду с мастерами старшего поколения — И. Маринным, талантливо играющим роль отца Нади — пьяницы и калымщика, находящего в себе силы вернуться на завод и порвать с «зеленым змием», М. Коварской, создающей глубоко человеческий образ Александры Ильиничны, учительницы Климова (только напрасно заставил режиссер саму Александру Ильиничну «перевосплотаться» в одной из сцен в ту, какой была она лет тридцать — сорок тому назад, — это звучит фальшиво и неубедительно).

Напрасно, совсем напрасно проходили до сих пор наши театры мимо этой пьесы, нужной сегодня, в условиях борьбы за утверждение норм морального кодекса строителя нового мира. Проходили, «украшая» порой свои афиши пьесами или бездумными и развлекательными или унылыми и ущербными. И так хочется, чтобы органы, призванные сегодня не только фиксировать репертуар, но и принимать активное участие в его формировании, поддерживали пьесу Н. Громова и Ю. Грачевского, а равно и другие хорошие пьесы этого жанра.

Ваше слово, товарищ публицистика!

Юр. ЗУБКОВ.

«Посторонним вход разрешен!». Климов — В. Петров, Надя — А. Телеченко.